

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Екатерина Протасова,
доктор педагогических наук, профессор, Хельсинский ун-т,
г. Хельсинки, Финляндия

Известна формула: первое поколение иммигрантов преодолевает множество препятствий, страдает и не выучивает до конца язык принимающей страны. Второе поколение адаптируется, делает все, чтобы добиться успеха в жизни, становится полноценно двуязычным. Третье поколение забывает язык страны исхода, но полностью интегрируется, уже не имея особых амбиций. Таков был опыт эмиграции XIX-XX веков. Разумеется, такое случалось не всегда, и работы (Кемпи 2013, Менг, Протасова 2007, 2010) посвящены речевым судьбам и языковым портретам людей, сохранивших русский язык вдали от родины во втором, третьем и четвертом поколениях.

С конца XX века положение изменилось, и об этом говорил, и писал, в частности, израильский профессор Бернард Спольски. Он наблюдал, что при современных средствах обучения языкам, поддержания контактов и перемещения люди, с одной стороны, легко могут потерять свой родной язык уже в первом поколении; с другой – язык может сохраняться на протяжении нескольких поколений, причем его можно не только поддерживать, но и развивать. Все зависит от самого человека, а не от обстоятельств, тем более что изменилось и общее отношение к многоязычию во всем мире: оно стало повседневной практикой, записано в некоторых документах, например, издаваемых в Евросоюзе, как цель, к которой должны стремиться все, и вообще перешло в разряд обыденных явлений. Тем не менее, старая формула потери языка в третьем поколении все еще работает во многих случаях.

Second Generation – известный термин, используемый и в жизни, и в науке, и в художественной литературе. Им обозначают то поколение, от которого зависит, будут ли их дети говорить на наследственном языке. Поскольку многим из тех, кто эмигрировал из русскоязычного мира маленьким ребенком или родился в русскоязычных семьях за рубежом, начиная с конца 1980-х, сегодня от 20 до 35 лет, они рожают детей, и встает вопрос о том, на каком языке они, будучи двуязычными, должны воспитывать своих детей.

Согласно Евростату (Eurostat 2011), около шести миллионов человек в возрасте от 25 до 54 лет, проживающих в Евросоюзе, родились в семьях, где один из родителей родился за рубежом, а у четырех миллионов человек оба родителя первоначально жили за пределами Евросоюза. Особенно много таких представителей иммигрантов второго

поколения в Эстонии, Латвии, Люксембурге и Франции; напротив, весьма мало иммигрантов второго поколения в Венгрии, Италии, Испании, Греции и Португалии.

Если же мы посмотрим на то, сколько вообще в Европе иностранцев, т.е. тех, кто родился за рубежом и не имел паспорта той страны, в которой проживает сейчас, то в абсолютном значении лидируют Германия, Франция, Великобритания, Испания и Италия. В процентном отношении на первом месте Люксембург: здесь 32,2% населения пришлые. В большинстве стран Евросоюза среди представителей второго поколения занятость ниже, чем среди тех, у кого родители – местные, причем она выше среди тех, у кого хотя бы один из родителей – гражданин страны. Совершенно понятно, что смешанная семья дает ребенку больше шансов интегрироваться в принимающее общество.

Что изменилось за последние, скажем, 25 лет в отношениях России и русскоязычной диаспоры? Говорят о 6 миллионах русскоязычных в Евросоюзе и 30 миллионах в мире; 110 миллионов потенциальных руссофонов владеют русским как вторым языком. От массового открытия Запада мы перешли к повседневности контактов с ним: границы пересекаются легко, средства позволяют россиянам путешествовать по многу раз в год, молодое поколение получает разнообразные стипендии для обучения. В то же время россияне открыли, что Запад неоднозначен, не все страны одинаковые, нет обобщенного Запада, а есть север и юг, запад и восток в Европе и в каждой отдельно взятой стране, множество противоположных традиций, несовпадений во вкусах, традициях и мнениях. Структура эмиграции во многих странах многокомпонентна: здесь старые русские, репатрианты, супруги, приглашенные на работу, усыновленные дети, учащаяся молодежь, к которым примыкают во время праздников и концертов местные русскоговорящие и заинтересованные в России. Пропорции в разных странах разные, и они меняются со временем в силу того, что страны меняют свой курс.

Кардинально изменилось отношение метрополии – России – к диаспоре. Если в начале 1990-х отъезжающие были «колбасной эмиграцией», презираемой группой, т.к. все интересное происходило в России. Не очень-то принимали их и старые русские, привыкшие к конфронтации с СССР, недовольные тем, что уже не только они выступают носителями русской речи, а позже – и православной религии. Разумеется, были и такие, что с радостью помогали вновь прибывшим. Теперь связи нормализовались, можно пожить за пределами родины и вернуться, не став предателем, и изданы российские законы в отношении соотечественников.

Иммигранты на себе испытывают, что значит ненависть, страх либо же интерес к чужакам. Они либо подтверждают, либо опровергают образ России и русских в зарубежных СМИ. Нередко приходится слышать, что уехавшие из России разочаровываются в стране, которая перестает быть для них сказочной иллюстрацией из детской книжки, а предстает

массовой безличной застройкой окраин, контактами с иммигрантами из других стран, невозможностью выразить себя и занять достойное место в обществе. Многие репатрианты повторяют формулу: «Там мы были финны / евреи / греки / немцы / поляки / венгры / болгары и т.п. и страдали из-за своей национальности, а здесь мы русские, так что снова страдаем из-за того, что не свои». Приезжим трудно найти работу, потому что они конкурируют с теми, кто получил образование в принимающей стране, а открыть новые места, создать свои фирмы решаются далеко не все, хотя во всех странах Евросоюза есть русскоязычные магазины, библиотеки, парикмахерские, экскурсионные бюро, СМИ, детские сады, школы, театры, клубы и пр.

Новым опытом для руссофилов стало общение внутри транснационального русскоязычного сообщества, которое отчасти внесло свой вклад в самоидентификацию иммигрантов. Только у репатриантов есть обширные внутренние связи за счет переезда большими семьями в нескольких поколениях. У остальных, часто благодаря Интернету, формируются сети друзей во всем мире, которые помогают воспитывать детей, находить общие увлечения в жизни, получать советы по самым разным вопросам. Ощущение того, что у тебя есть связи не только в России, но во всем мире помогает чувствовать себя значимым, востребованным.

Иммигранты нередко переосмысливают опыт других диаспор: вьетнамцев, турок, поляков, итальянцев, которые проживают в новой стране дольше, чем они сами, и нашли удобные способы выживания. От них русскоязычные научились, как бороться за свои права, получать стипендии на поддержку культуры, открывать сначала кружки, затем детские сады и школы для своих детей. Опыт интернационального Советского Союза подвергается переоценке под влиянием мультикультурности принимающего общества: здесь тоже нет моноэтнического состава, здесь есть исторические и новые меньшинства, по-разному сохраняющие свои языки и культуры.

Каждый этап жизни в принимающей стране характеризуется вливанием в группу новых членов, которые проходят все те же фазы адаптации, интеграции, ассимиляции, что и предыдущее поколение, но отчасти быстрее, т.к. фундамент уже создан. Новые члены сообщества помогают оценить прошлый приобретенный опыт и достижения саморазвития, хотя это не всегда происходит безболезненно. «Новые» зачастую требуют занять места, завоеванные «старыми», стать законными представителями соотечественников. Происходит постоянное выстраивание отношений внутри группы и за ее пределами.

В группах диаспоры каждая новая волна прибывающих знакомится с эмиграционной терминологией (например, с тем, что такое «культурный шок»), создает собственные дискурсы, в которых поднимаются темы прошлого и настоящего, самобытности, устанавливается, кто такие «мы» и кто такие «они», заново открываются жемчужины

русской культуры. Нередко эти события сопровождаются созданием художественных текстов, стихов и прозы, произведений живописи.

Происходят и изменения в языке иммигрантов. Согласно мнению М.Я. Гловинской (2004), новое в русском языке сначала появляется в диаспоре, а потом в метрополии. Тем, кто первыми сталкивается с новыми явлениями и реалиями приходится искать эквиваленты в своем языке, а подчас и создавать их. На наших глазах сначала казались чужими, а затем вошли в обиходный язык России на протяжении 20 последних лет такие слова, как *проект, амбициозный, вызовы, национальный, икона*. Уже начало приживаться слово *идол* в значении «кумир» (раньше употреблялось только с пейоративным значением). Возможно, на очереди весьма употребительное в диаспоре слово *приоритизировать* (пока можно только сказать «расставлять приоритеты»).

Говоря о языковой компетентности человека на протяжении жизни, следует подчеркнуть, что существуют определенные психолингвистические особенности усвоения языков в разном возрасте, некоторые из которых носят индивидуальный, а некоторые – обобщенный характер. В наши дни конгломерат русского языка метрополии и диаспоры характеризуется гораздо более активным, чем раньше, употреблением региональных и контактных вариантов русского языка (например, ток-шоу «Уральских пельменей» на СТС, ведущие, говорящие с различными акцентами на всех каналах телевидения). Такими же чертами характеризуется русская речь в диаспоре. От участвующих в процессе общения требуется языковая толерантность по отношению к региональным, в основном артикуляционным особенностям, акцентам разных языков, даже если они приводят к нарушениям понимания и производства речи. Стала виднее речь представителей низших слоев общества, в русской речи нередко грубость, неприличные слова, заимствования; вполне понятно стремление оградить молодежь от этих влияний. Репертуар языков и вариантов языка динамичен, он меняется с возрастом. Язык одновременно – результат и инструмент социализации, и от речи родителей и педагогов многое зависит, хотя еще больше на определенном этапе развития ребенка зависит от того, в какую компанию он попадет, среди каких людей будет искать признания своим достоинствам, кто станет образцом для подражания.

Старая образовательная система формировала национальный язык и национальную идентичность; в национальных государствах существует как бы естественный монолингвизм, некоторые правительства считают, что к этому следует стремиться, однако все больше голосов отдается против таких решений. Демократия как инструмент защиты прав меньшинства перед большинством отстаивает стремление меньшинств и иммигрантов к сохранению своих языков.

Существует ряд особенностей текущего момента во владении языками. Лингвисты и педагоги сегодня много говорят о новом качестве и новом соотношении устной и письменной речи. Современные подростки и молодежь читают и пишут больше, чем раньше, но это прежде всего тексты, создаваемые их друзьями и сверстниками, скоропись, изобилующая погрешностями и ошибками, шаблонами и стереотипами: блоги, смски, электронные письма, твиты и т.п. Насаждается общий стиль, клише, теряется ценность поздравления, памяти, оригинальности высказывания. Ридеры, пришедшие на смену бумажным книгам, могли бы помочь в сохранении культурного наследия. Качество владения родным языком ухудшается из-за отсутствия необходимости качественно говорить и качественно писать. Растут требования к качеству владения языками, но этому мало кто учит. Однако качество освоения иностранного языка улучшается благодаря новым методам преподавания, основанным на психолингвистических открытиях, и интернет-источникам. Новые средства письменности (мультимедиа) предоставляют новые возможности для изучения и использования языков (онлайн программы, скайп-контакты, сайты для общения и пр.). Постструктуралистский подход в науке говорит о том, что все варианты сочетания языков и все степени владения языками допустимы и ценны. Формируются новые гибридные и социальные разновидности языков. Изменяется отношение к языкам меньшинств и языкам иммигрантов; знания о языках перестают считаться важными, но оказывается важным умение употреблять языки, так что модными становятся, например, хиты на незнакомых языках. Постоянно подчеркивается, что языки – культурное богатство Европы и мира, что каждый гражданин Европы должен владеть по крайней мере тремя языками (родным и / или государственным, английским, языком меньшинства и / или страны-соседа); причем любая степень овладения языком, хотя бы беглое знакомство с ним, приветствуется.

Отсюда и вытекают требования к совершенствованию образования: 1) Обогащение содержания существования, повышение качества. 2) Комплексный подход к преподаванию языков на протяжении жизни человека, отмена старого деления на родной и иностранные языки, построение единого куррикулума по языкам. 3) Решение о соотношении преподавания языка и на языке.

Новая парадигма предполагает, что все учащиеся плюрилингвы (изучают много языков), должны ими остаться, школа может это поддержать, что многоязычие обогащает общество и является его ценным ресурсом, а кроме того, выдвигается требование продолжать иметь национальный язык и идентичность и воспитывать в себе интернационализацию (в том числе европеизацию) в сочетании с дополнительными языками и идентичностями.

Какова же на этом фоне роль руссофонов второго поколения? Обычно им трудно выбрать, кому на каком языке говорить с ребенком в семье (если оба родителя двуязычны), стоит ли поддерживать русский, если в нем уже большое число ошибок, не лучше ли доверить преподавание опытным педагогам. А может быть, поручить развитие речи бабушкам и дедушкам – в этом случае ребенок может сказать: «Когда я стану стареньким, я буду говорить по-русски». Представители второго поколения не всегда чувствуют себя компетентными в русской детской культуре. Приходя в русский книжный магазин, они останавливаются на тех изданиях, которые знакомы им с детства, не обращая внимания на новые имена и достижения, да и ориентироваться в этом изобилии трудно. Они с удовольствием водят детей на русские театральные постановки, хотя им самим они не всегда нравятся. Некоторые абсолютизируют качество всего, что идет из России, а другие ничему из России не доверяют. Почти все, тем не менее, заверяют, что хотят, чтобы дети знали русский язык и чтобы русскоязычная культура была им близка. Особенно трудно тем, чьи партнеры не владеют русским языком и не понимают, на какие темы высказывается ребенок по-русски. Однако и здесь есть случаи успешного развития двуязычия и полноценного становления русского языка.

Литература

- Гловинская М.Я. Общие типы изменений в языке русской эмиграции // Мустайоки А., Протасова Е. (ред.) Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Хельсинки: Хельсинкский университет, 2004, 13-20.
- Кемпи С. Речевой портрет: коренной русский в Финляндии. Хельсинки: Хельсинкский университет, 2013.
- Менг К., Протасова Е. Одна языковая судьба // Земская Е.А., Каленчук М.Л. (ред.) Язык в движении. М.: Языки славянской культуры, 2007, 400-408.
- Менг К., Протасова Е. Елена Кхуэн-Белази: «Русский язык мне ближе к сердцу» // Языковые и культурные контакты. Вып. 4. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2010, 23-28.
- Eurostat. Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation. European Commission, 2011. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-31-10-539/EN/KS-31-10-539-EN.PDF

* * *